

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 338.2:330.111.4

Ю. В. КИНДЗЕРСКИЙ,
*доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник
ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"*
(Киев)

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В МИРЕ И В УКРАИНЕ

Акцентируется внимание на раскрытии детерминант деиндустриализации в развитых странах и в Украине, на ее видах, истоках и результатах для общества в разных экономических и технологических условиях его развития. Показана ограниченность традиционного ресурсного подхода к идентификации указанных детерминант для инверсионного типа экономики Украины и предложен институционально-структурный подход, согласно которому их возникновение и взаимообусловленность проявления представлены в институциональном контексте. Даны рекомендации по учету обозначенных детерминант в определении направлений развития национальной экономики.

Ключевые слова: деиндустриализация, "промышленный ренессанс", социальный регресс, права собственности, государственное управление, обедняющее развитие, внешняя зависимость

Yu. V. KINDZERSKII,
*Doctor of Econ. Sci.,
Leading Researcher,
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine*
(Kiev)

DEINDUSTRIALIZATION AND ITS DETERMINANTS IN THE WORLD AND IN UKRAINE

Attention is focused on disclosing the determinants of deindustrialization in developed countries and in Ukraine, on its forms, sources and results for society under different economic and technological conditions for its development. Limitations of traditional resource approach to identify these determinants for the inversion type of Ukraine's economy are shown and institutional and structural approach, according to which their emergence and interdependence of manifestation are presented in the institutional context, is proposed. The recommendations to incorporate determinants outlined when determining the directions of the national economy development are proposed.

Keywords: deindustrialization, "industrial renaissance", social regress, proprietary rights, public administration, impoverishing development, external dependence.

На протяжении последней четверти века в промышленном секторе Украины сократились выпуск и занятость, деградировали технологическая, производственная и организационная структуры. По критериям ЮНИДО это характеризуется как деиндустриализация. Вместе с нашим государством от нее страдают развитые стра-

© Киндзерский Юрий Викторович (Kindzerskii Yurii Viktorovich), 2017; e-mail: vkpp@ukr.net.

ны Запада и страны с переходной экономикой. Однако для них истоки и, соответственно, результаты деиндустриализации различны. Поэтому **цель статьи** заключается в выяснении основных детерминант *, обусловивших деиндустриализацию в мире и в Украине, а также особенностей и результатов их проявления в глобальной и национальной системах хозяйствования, с дальнейшим обоснованием ключевых направлений развития отечественной экономики.

**Деиндустриализация и “промышленный ренессанс” в мире:
технологический прогресс и социальный регресс**

Причины деиндустриализации зависят от технологического уровня производства, размера доходов и производительности труда. Для развитых стран с высокими технологическим уровнем, доходами и производительностью характерна “зрелая” деиндустриализация, когда производство под влиянием НТП смещается в высокотехнологичный сектор, давая толчок ускоренному развитию наукоемких и логистических услуг, от которых непосредственно зависят рост производительности и инновационности самого производства, а также эффективность управления цепочками поставок его продукции на рынки **. В странах с переходной экономикой (и в том числе в Украине) и в слаборазвитых странах с технологически отсталым производством, низкими доходами и производительностью происходит “преждевременная” деиндустриализация, когда производство замещается услугами, не связанными с повышением его эффективности, – торговлей, арендой, ремонтом и т. п. Основным количественным признаком и первого, и второго типов деиндустриализации являются уменьшение вклада промышленности и соответствующее расширение сферы услуг при создании ВВП и в структуре занятости ***.

Между тем в развивающихся странах имеет место быстрая индустриализация. Она проявляется не столько в изменении соотношения между промышленностью

* Детерминанты (от латинского “*determinans, determinans*” – “определяющий”) – факторы, оказывающие доминирующее, определяющее или основное влияние на экономические (или любые другие. – Ю.В.К.) процессы, явления, отношения в обществе и т. п. [1, с. 87]. Каждая из известных на сегодня теорий экономического развития оперирует своим набором детерминант, определяющих его. Более подробно смысл этих теорий освещен в учебниках по экономической теории и истории экономической мысли, а также кратко изложен, например, в [2; 3]. В то же время освещение проблематики детерминант, обусловивших деиндустриализацию, как в контексте мирового развития в целом, так и в разрезе стран (в частности, с переходной экономикой, в числе которых и Украина) не получило значительного распространения в исследованиях. Поэтому данная статья, ни в коей мере не претендуя на всестороннее раскрытие поднятых вопросов, все же является попыткой автора начать восполнять этот пробел. В конечном счете, это позволит в дальнейших исследованиях более обоснованно подходить к выбору моделей и механизмов развития национальной экономики, которых на сегодня предлагается немало и которые кардинально отличаются между собой по своей идеологии и средствам политики – от полной дерегуляции и либерализации экономики (с нивелированием роли государства) до возврата жесткого директивного государственного управления ею.

** ЮНИДО. Отчет о промышленном развитии – 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. – Вена, 2015. – 61 с. – С. 8.

*** По данным ЮНКТАД, на протяжении 1980–2014 гг. доля промышленности сократилась в развитых странах с 28,3% до 18,5%, а в странах с переходной экономикой – с 38,3% до 28,2%, тогда как вклад услуг увеличился, соответственно, с 61,6% до 75% и с 42,1% до 53,1%. Заметим, что не следует однозначно отождествлять явление деиндустриализации лишь с разрушением (в том числе физическим) и исчезновением промышленного производства как такового. Последние могут рассматриваться только как отдельные случаи или как формы проявления первого. К сожалению, в случае Украины деиндустриализация действительно проявилась в таком разрушении, тогда как в развитых государствах – нет.

и услугами в пользу первой, сколько в значительно бóльших темпах наращивания промышленного производства по сравнению с другими группами стран *.

ЮНИДО выделило пять ресурсных детерминант, которые обеспечивали развитие перерабатывающей промышленности в мире, — капитал, трудовые ресурсы, природные ресурсы, энергетические ресурсы, производительность труда (технологии) **. По степени своего влияния в указанных группах стран они имеют существенные различия. В развивающихся странах рост происходил за счет капитальных инвестиций, природных и энергетических ресурсов, в развитых — за счет повышения производительности труда путем внедрения трудо- и ресурсосберегающих технологий, что, в свою очередь, увеличило объемы производства при сокращении использования трудовых, энергетических и природных ресурсов ***.

Хотя технологическая детерминанта сыграла ключевую роль в росте промышленности развитых стран, все же именно она стала едва ли не главной в их деиндустриализации как на ранних этапах зарождения этого явления, так и при достижении его “зрелой” стадии сегодня. С одной стороны, их деиндустриализация началась 30–40 лет назад с выведения производственных мощностей в менее развитые страны, при одновременном наращивании промышленного импорта из них по сравнению с промышленным экспортом в них [4]. С другой стороны, усиление деиндустриализации в последние два десятилетия произошло в связи с бурным развитием высокотехнологичного производства, в результате чего кардинально повысилась производительность труда на фоне заметного сокращения занятых в промышленности и уменьшения ее доли в совокупном выпуске, что, в свою очередь, обусловило перманентную кризисность и стагнацию в странах Запада [5]. Это вынудило их правительства изменить отношение к индустриальной составляющей экономики, признав эту составляющую ключевым драйвером ее стабильного, устойчивого и одновременно инклюзивного развития.

США взяли курс на модернизацию промышленного производства на основе опережающего развития “продвинутой” наукоемкой перерабатывающей промышленности (advanced manufacturing). Президент страны Д. Трамп в начале своей каденции объявил о намерениях возродить американскую промышленность путем усиления протекционизма и отказа от слишком либеральных условий внешней торговли с другими странами ****. Кроме того, американское правительство намерено

* Согласно статистике ЮНКТАД, до конца 2014 г. ВДС промышленности в развивающихся странах выросла в 3,5 раза от уровня 1990 г., в развитых странах — в 1,9 раза, а в странах с переходной экономикой этот показатель составил лишь 89,6% от базового года. Настоящий индустриальный прорыв продемонстрировали Китай и Южная Корея, где за 25 лет объемы произведенной ВДС промышленности выросли, соответственно, в 15 и 5 раз. С 2011 г. Китай стал бесспорным лидером в мировом промышленном производстве, вытеснив США с первого места. В 2014 г. Китаем создавалась пятая часть (21,8%) мировой ВДС промышленности, тогда как Соединенными Штатами — 16,6%. В целом на протяжении 1990–2014 гг. доля развивающихся стран в ВДС мировой промышленности выросла с 21,1% до 50,8%, тогда как развитых стран — уменьшилась с 74,5% до 45,4%, а стран с переходной экономикой — с 4,4% до 3,8%.

** ЮНИДО. Отчет о промышленном развитии — 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. — С. 10–11.

*** По расчетам ЮНИДО, в развивающихся странах на протяжении 1995–2007 гг. ежегодный рост перерабатывающей промышленности в среднем на 4,7% обеспечивался влиянием факторов капитала на 14%, трудовых ресурсов — на 2,5%, природных ресурсов — на 28%, энергетических ресурсов — на 18%, производительности труда (технологий) — на 6%. В развитых странах среднегодовой рост на 2,6% обеспечивался влиянием указанных факторов, соответственно, на 13,5%, 9,5%, 2,5%, 3% и 34% (ЮНИДО. Отчет о промышленном развитии — 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. — С. 11).

**** Более подробно указанные вопросы рассмотрены в дискуссии по этому поводу в № 5-6 журнала “Экономика Украины” за 2017 г.

стимулировать (прежде всего, через налоги) возврат в страну ранее выведенных из нее производств (re-shoring).

ЕС в своей Стратегии разумного, устойчивого и инклюзивного роста запланировал до 2020 г. увеличить долю промышленности до 20% ВВП (против 16% в 2012 г.) и отвести ей ключевую роль в росте экономики ЕС на основе диверсификации производства, повышения его энергетической и ресурсной эффективности *. Европейская политика неоиндустриализации направлена на ускоренное развитие высокотехнологичного сектора и производств “зеленой экономики” для обеспечения как высокой производительности труда, так и увеличения доли добавленной стоимости, полученной внутри Евросоюза, путем поддержки создания производственных мощностей в рамках национальных юрисдикций стран – членов ЕС. Ожидается, что это позитивно повлияет на рост эффективности хозяйственной деятельности и занятость в смежных сферах экономики, а также будет стимулировать научно-технический прогресс и инновации **.

Доминирование постиндустриальной парадигмы в развитых странах замещается парадигмой “промышленного ренессанса”, без которого информационная и финансовая составляющие экономики не смогут в дальнейшем обеспечить ей конкурентоспособность [7, с. 90–91]. Получение новых технологий и продуктов в ЕС и США непосредственно связывается с интенсификацией научных исследований, улучшением координации и объединением усилий науки и производства на основах концепции “тройной спирали”, доведением объемов финансирования научных исследований и разработок в среднесрочной перспективе до 3% ВВП. Акценты государственной поддержки развития промышленности смещаются со сферы организации производства на сферу исследований и разработок для производства, что обусловлено их чрезвычайной капиталоемкостью и рискованностью при относительном удешевлении создания самого производственного объекта или запуска в производство нового продукта. Поэтому нет оснований говорить об уменьшении и исчезновении такой поддержки – наоборот, она, изменяя свою форму и сферу приложения, по масштабам лишь увеличивается. Это и есть одно из ключевых отличий современной модели промышленной политики от предыдущих в условиях “зрелой” стадии Третьей и начала “восходящей” стадии Четвертой промышленных революций в развитых странах.

В то же время существует высокая вероятность того, что научно-технологические достижения этих двух революций создадут развитым странам преимущества за счет кардинального повышения производительности труда лишь в среднесрочной перспективе. Однако в долгосрочной перспективе они обострят социальные проблемы, не уменьшат, а могут увеличить безработицу (причем в сфере не только производства, но и услуг), усилить неравенство и имущественное расслоение населения, что в целом не устранил проблему деиндустриализации, а наоборот – усложнит ее. Главной причиной этого является стремительное распространение полной автоматизации и роботизации производства, а также систем искусственного интеллекта. Роботизация не просто заменит человеческий труд в производстве, свя-

* Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth / European Commission ; Communication from the Commission COM(2010) 2020. – Brussels, 3.3.2010. – 37 p.

** Промышленность ЕС, создавая лишь 16% ВВП, обеспечивает 65% совокупного объема расходов на НИОКР и почти 50% расходов на инновации, осуществляемых в странах сообщества. Инновационная активность больших промышленных предприятий вдвое выше активности больших предприятий в других секторах экономики. Деятельность сферы услуг и других секторов экономики в значительной степени зависит от спроса промышленности на их продукцию. В 1 евро выпуска промышленной продукции ЕС содержится 34 цента происхождения из других секторов. Кроме того, промышленность формирует спрос на высококвалифицированные трудовые ресурсы и поддерживает рынок труда в других секторах экономики [6, с. 13].

занном с монотонными рутинными операциями, а в сочетании с искусственным интеллектом вытеснит его из сферы управления производством и из сферы услуг (причем не только простых, но и наукоемких) [8]. Роботы с искусственным интеллектом уже сегодня способны заменить не только ряд рабочих профессий из сферы услуг — повара, парикмахера, уборщика, водителя, продавца, но и некоторые интеллектуальные профессии, требующие высокой квалификации, — врача-хирурга, инженера-проектировщика, программиста, пилота, менеджера, финансиста, юриста, адвоката, переводчика, публичного администратора * и т. п.

Структурная безработица будет приобретать новые качества и черты. Поглощение сферой услуг работников, высвобожденных из производственной сферы вследствие роботизации, существенно ограничится. Сама эта сфера также столкнется с проблемой нарастания “лишних” работников. Между тем не стоит надеяться, что начнут бурно развиваться творческие профессии и творческие виды деятельности, которые решают проблему занятости. Общество будет все больше поляризоваться и расслаиваться в социальном и материальном измерениях, при этом будет все больше исчезать средний класс — основной носитель прогресса и развития, пополняя армию бедных и малообеспеченных [10]. Значительное сокращение среднего класса уже сегодня происходит практически во всех развитых странах мира. Как следствие, уже в ближайшие два-три десятилетия может возникнуть катастрофическая для развития общества ситуация, пока не осмысленная экономической наукой в полной мере: человек, выступая в традиционной “нероботизированной” хозяйственной системе и трудовым ресурсом, и носителем знаний при создании продукта, и его потребителем, в случае замещения своего труда (в том числе интеллектуального) трудом роботов одновременно перестает быть и трудовым ресурсом для создания продукции, и ее потребителем, поскольку теряет доход от продажи своего труда, соответственно лишаясь средств к существованию.

Тем самым будет происходить углубление десоциализации человека — на одном полюсе общества будет концентрироваться небольшая прослойка собственников средств производства и капитала, на другом — нарастать маргинализованная, люмпенизированная и криминализованная прослойка социума. Поэтому в условиях повсеместного внедрения в экономическую деятельность роботизированных интеллектуальных технологий, не требующих человеческого труда, научно-технологическое развитие из фактора социального прогресса превратится в фактор социального регресса и деградации подавляющей части общества, а инклюзивность развития, которая в настоящее время выступает целью реформ, станет недостижимой.

Чтобы не дать распространиться и укрепиться таким явлениям, уже сегодня отдельными политиками и бизнесменами развитых стран на уровне правительств предлагаются меры противодействия. Например, в Швейцарии и Финляндии поднимается вопрос о безусловной, гарантированной правительством, ежемесячной минимальной денежной выплате (базовом доходе) всем гражданам — независимо от наличия у них работы. Билл Гейтс предложил облагать собственников компаний налогом на роботов в сумме стоимости оплаты труда работников, высвобожденных вследствие их внедрения. Также учеными предлагается ввести своеобразный этический кодекс для производителей и пользователей роботизированных систем (по примеру того, который был в свое время введен в генной инженерии), накладывающий ряд ограничений и предлагающий принципы их применения [10]. В частности, роботизированные системы должны не заменять, а дополнять человеческий труд, повышая его эффективность; их сле-

* Например, по оценкам, в Великобритании до 2030 г. внедрение интеллектуальных информационных систем в сфере публичного администрирования высвободит из нее около 250 тыс. работников [9].

дует использовать лишь во вредных для человека условиях производства, при дефиците свободных рабочих рук для ведения хозяйственной деятельности; там, где человеческий интеллект способен справиться с задачей, не должен использоваться искусственный. Со временем такие предложения будут находить все больше сторонников, иначе социальных катаклизмов, спровоцированных НТП, не избежать.

**Деиндустриализация в Украине:
институциональный контекст отечественных особенностей**

Украинская экономика тесно интегрирована в мировую и не сможет “отгородиться” от ее влияния. Между тем, в силу сказанного, а также тех тенденций, которые сложились в отечественном хозяйстве, нет оснований утверждать, что это влияние было, есть и будет лишь позитивным. С начала вхождения Украины в мировое экономическое пространство 25 лет назад абсолютное большинство стран нарастило объемы промышленного производства, однако в Украине оно не только сократилось, составив (без учета теневого сектора) в 2016 г. лишь 72% от уровня 1990 г., но и претерпело серьезные деструктивные структурные изменения, полностью противоположные тем, какие произошли в мировой промышленности. Существенно увеличилась структурная безработица, но не по причинам повышения технологичности и производительности труда, как на Западе, а вследствие физической ликвидации тысяч перерабатывающих предприятий (в том числе высокотехнологичных).

Причины деградации отечественной промышленности не стоит “списывать” лишь на общие трудности перехода от плановой экономики к рыночной. Китай, имея целью, как и Украина, создание рыночной экономики, двинулся в противоположном от нас направлении и за ту же четверть века из полуфеодальной отсталой страны превратился в индустриального лидера мира. Для объяснения этого отечественного “феномена” упомянутый ресурсный подход ЮНИДО к основным детерминантам развития промышленности явно ограничен, поскольку не учитывает инверсионного характера экономических преобразований в Украине. Так, наличие у нашего государства более высоких стартовых позиций по сравнению с развивающимися странами (в частности, тем же Китаем) практически по каждой ресурсной детерминанте не позволило ему осуществить экономический рывок. Поэтому вместо ресурсного целесообразно применить институционально-структурный подход для выделения детерминант функционирования промышленности, который принимает во внимание не столько наличие ресурсов, сколько эффективность распоряжения ими с учетом условий ее формирования в стране.

Поэтому в числе определяющих детерминант, которые, с одной стороны, повлекли за собой упадок отечественной промышленности, а с другой – являются основой для ее восстановительного реконструктивного развития в перспективе, можно назвать: *институционально-политические, организационно-управленческие, внешнеэкономические, структурно-производственные, финансово-инвестиционные, инновационно-технологические, социальные*. Эти детерминанты следует рассматривать с точки зрения как их формирования под влиянием глобальной среды, так и происхождения внутри страны.

Институционально-политические детерминанты стали катализатором изменений в Украине и касались преобразований в системе отношений собственности – пересмотра формальных и неформальных норм отношений между субъектами по поводу их притязаний на ограниченные ресурсы и на доходы от их использования. Официально реформа института собственности свелась к номинальной замене собственника с государственного на частного путем ускоренной массовой приватизации. При этом не было должных обоснования ее способов и механизмов, нормативно-право-

вого и организационно-управленческого обеспечения, не учитывались существующие “провалы” ни еще не сформированного рынка, ни еще не приспособленного к нему государства. В целом в Украине не были созданы те “рафинированные”, идеальные институциональные условия *, которые указаны Д. Сепингтоном и Дж. Стиглицем в “фундаментальной теореме приватизации” (“теореме безразличия”) [11] и которые бы обеспечили эффективность приватизации для общества. Поэтому она “осуществлялась часто теневыми, а нередко криминальными методами, ... фактически не контролировалась государством” [12, с. 4]. Ее следствием стала передача советского имущества практически даром бывшей партийно-хозяйственной элите, криминальным авторитетам, новоиспеченным дельцам. Как результат, на протяжении 1990-х годов и I половины 2000-х годов в Украине возникла и укрепилась криминально-олигархическая модель государства, в которой политическую и экономическую власть де-факто и де-юре получила эта немногочисленная группа лиц, превратившись в олигархов, которые стали самыми богатыми в стране исключительно благодаря именно такой приватизации. Сформировались олигархические кланы, постоянно конкурирующие между собой за сферы влияния, государственные ресурсы, национальное богатство. Это не только обострило проблему мягких бюджетных ограничений, унаследованную от советской экономики, но и дало толчок распространению экстрактивных политических и экономических институтов страны **, направленных на закрепление власти олигархии и ее обогащение.

В конечном счете, все это привело к автономизации и отделению государства от общества, к полному игнорированию первым интересов второго и укреплению не представительской, а “фасадной” демократии. Возник феномен приватизированного (олигархией) государства, сформировались явления неэффективного и нелегитимного собственника, размытых и незащищенных прав собственности с распространением неправомерного (“рейдерского”) отчуждения собственности, теневых экономики и политики, “проедания” собственности. Партикуляризм стал основной формой отношений между государством и субъектами хозяйствования. Соответственно, появился широкий спектр источников непроизводительных и “неинновационных” рентных доходов олигархии и бюрократии на фоне отторжения обществом официального государства. Подобные явления в совокупности повлекли за собой углубление имущественного расслоения общества и масштабные социальные катаклизмы, а также стали ключевым демотиватором для эффективной хозяйственной деятельности подавляющего большинства субъектов ***. Значительные ресурсы они начали направлять не на развитие производства, а на индивидуализированную защиту своей собственности от неправомерных посягательств со стороны конкурентов и криминалитета в условиях размытости прав на нее. При этом олигархия имела целью обретение политической власти в стране и как инструмента собственной защиты, и как административного средства приумножения своих богатств. В силу этого проблемы модернизации производства отступили на задний план.

* Такими условиями являются “благосклонное” государство, максимизирующее общественное благосостояние; конкуренция на рынке и действенные механизмы ее защиты; отсутствие негативных экстерналий; полный доступ производителей к информации (симметричная информация); отсутствие рисков хозяйственной деятельности; полнота контрактов; полные спецификация и защита прав собственности законом, правоохранительными и судебными органами; невозможность в рамках политической системы получения политиками и бюрократией личной выгоды от принятых ими государственных решений.

** Термин “экстрактивные институты” предложен Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном [13, с. 92–97].

*** Более детально проблема деформаций института собственности и олигархии освещена нами в [14].

Соответственно, институционально-политические детерминанты тесно переплелись с *организационно-управленческими*. Структура исполнительной власти, управленческие решения, а также модель экономической политики государства стали непосредственно определяться запросами олигархии. Управление промышленностью приобрело черты эклектичности, не имеет целостности, системности, стратегической выразительности и взвешенности, подчиненности общественным интересам. Оно распылено между отдельными министерствами и ведомствами, созданными по отраслевому или функциональному принципу в тесной зависимости от специализации олигархических бизнес-групп или/и под неформальным влиянием внешних экономических и политических агентов и институтов.

В 2012 г. было ликвидировано Министерство промышленной политики Украины, функции которого переданы немногочисленному департаменту Министерства экономического развития и торговли Украины, хотя эта отрасль всегда занимала первую позицию в структуре валового выпуска (например, в 2015 г. – 35%). Между тем сельским хозяйством, при втрое меньших объемах выпуска по сравнению с промышленностью, ведает отдельное министерство, что только подтверждает мысль о навязывании нашему государству извне не индустриальной специализации, а аграрной.

Также есть отдельное Министерство энергетики и угольной промышленности Украины, при доле этих двух отраслей в структуре выпуска промышленности около 30%. “Целесообразность” существования этого министерства становится понятна, если учесть фактор олигархии: одна из отечественных бизнес-групп на 3/4 обеспечивает всю угледобычу страны и полностью контролирует ее теплоэнергетику *. То же касается и деятельности, в частности, Министерства экологии и природных ресурсов Украины, которое выдает лицензии субъектам на добычу полезных ископаемых в Украине. По “стечению обстоятельств” эти лицензии имеют лишь компании, прямо или косвенно связанные с олигархическими структурами, государственной бюрократией и зарубежными агентами влияния. Для остальных же компаний допуск на этот рынок де-юре возможен, а де-факто – закрыт. Одновременно контролируя как отдельные национальные комиссии, регулирующие тарифообразование в сферах энергетики и коммунальных услуг, так и сами эти сферы, олигархические группы обеспечивают установление государством непрозрачных и выгодных для них тарифов.

Олигархия полностью контролирует большие государственные компании в промышленности, назначая им через министерства свой менеджмент, принуждая их заключать со своими структурами заведомо непаритетные хозяйственные контракты – убыточные для предприятий и сверхприбыльные для себя **. На протяжении последних десятилетий исключительно под запросы олигархических бизнес-групп было принято немало разных государственных программ и законодательных актов, касающихся деятельности контролируемых ими отраслей промышленности. Этими актами предоставлялась немалая государственная помощь в виде налоговых, таможенных и кредитных льгот, субсидий, государственного финансирования, списания или рассрочки задолженности перед государством, компенсации за счет государства задолженности перед кредиторами и т. п. ***. По факту отечественные льготы, в отличие от льгот в развитых странах, не имели целью рост эффектив-

* Крупнейшим добытчиком угля в Украине является компания “ДТЭК Энерго”, которая входит в корпорацию ДТЭК. В 2016 г. шахты холдинга добыли 33,95 млн. т угля, или почти 76% общего объема его добычи в Украине.

** Ярким примером может служить добыча государственными предприятиями природного газа, который весь безальтернативно еще не так давно скупался компаниями олигархов по заниженным ценам и перепродавался на рынке по в разы завышенным ценам.

*** Более детально этот вопрос раскрыт в [15].

ности производства за счет более высокой производительности, а наоборот — позволяли ему обеспечивать высокую прибыльность, не вкладывая средства в модернизацию. Тем самым вместо технологического совершенствования производство претерпевало дальнейшее технологическое отставание.

Без изменений в отношениях собственности и преодоления явления олигархии меры государства по стимулированию развития будут изначально неэффективными. В выборе моделей промышленной политики ситуация заходит в тупик. С одной стороны, “жесткая” политика не снимает, а наоборот — обостряет, проблему мягких бюджетных ограничений, поскольку создает непродуктивные (не направленные на развитие) привилегии исключительно для олигархии, а применяемые при этом инструменты лишь консервируют отсталость производства. С другой стороны, “мягкая” либеральная политика в условиях размытых и незащищенных прав собственности повлечет за собой обратный эффект — усиление экономического неравенства и перераспределительных процессов в пользу олигархии, применение ею права силы в политике и экономике, рост спроса субъектов на партикулярные решения власти. В таких обстоятельствах формирование эффективной, целенаправленной и функционально организованной системы государственного управления, ориентированной на запросы общества, становится невозможным. Поэтому можно говорить, что вследствие “сращивания” олигархического бизнеса с государственным управленческим аппаратом и подчинения деятельности последнего интересам первого система государственного управления советского образца не была демонтирована, а лишь модифицировалась из административно-плановой в административно-олигархическую, что в принципе не отвечает задачам социально ориентированного развития экономики и производства.

Такая система управления несет ряд угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения. В числе первых из них — перманентная острая политическая, экономическая, а сегодня, очевидно, и военная борьба олигархических кланов за государственную власть. В числе вторых — проникновение в страну иностранных ТНК (по сути — иностранной олигархии), которые в своей деятельности нередко преследуют не только собственные экономические цели, но и политические цели руководства стран происхождения. В Украине деятельность иностранных бизнес-групп не является нейтральной ни с экономической, ни с политической точек зрения, особенно в условиях внешней военной агрессии и происхождения этих групп из страны-агрессора. Даже без учета этого фактора проникновение в наше государство иностранных ТНК, как показывает опыт стран с подобными ему институциональными условиями, будет иметь преимущественно негативные последствия для национальной экономики *. Модель приватизированного государства идеально подходит для навязывания этими ТНК условий деятельности в стране, выгодных для себя, но не приемлемых для ее общества. В силу значительно большего финансового потенциала иностранной олигархии по сравнению с отечественной, угроза реприватизации государства в пользу первой из них слишком реалистична. В таком случае о преодолении деиндустриализации и о модернизации промышленности в интересах общества можно забыть.

С одной стороны, институционально-политические и организационно-управленческие детерминанты сформировали модель взаимоотношений Украины с внешним миром, а с другой — их характеристики в большинстве случаев сами формировались под влиянием *внешнеэкономических детерминант*. Отмена государственной монополии на экспортно-импортную деятельность и ускоренная масштабная

* Более детально этот вопрос рассмотрен в [16; 17].

либерализация внешнеэкономической деятельности с полным открытием внутреннего рынка для иностранных товаров и услуг в начале 1990-х годов стали шоковыми потрясениями для украинской экономики, которые в немалой степени заложили долгосрочные деструктивные тренды не только в реальном секторе экономики, но и в финансовой и социальной сферах. Большинство предприятий перерабатывающей промышленности не выдержали натиска иностранной конкуренции ни на внутреннем рынке, ни тем более на внешнем, где украинская продукция нашла свою нишу преимущественно в сегменте сырьевой сельскохозяйственной и промышленной низкотехнологичной продукции первичной обработки.

Сроки и глубина внешнеэкономической либерализации никоим образом не привязывались к необходимости заблаговременного проведения модернизации и реструктуризации производства, причем при активной финансовой и организационной поддержке со стороны именно государства на фоне неразвитости рынка капитала и финансового сектора. Считалось, что такая либерализация сама станет мощным стимулом к модернизации. Очевидно, что этого не произошло, а наоборот – можно поддержать выводы ЮНИДО о том, что для таких государств, как Украина, это оказалось одной из главных причин деиндустриализации *. За несколько лет украинская экономика стала наиболее открытой в мире с долей экспорта и импорта в ВВП около 50%, причем с преобладанием последнего **. Вследствие своей чрезмерной ориентации на внешние рынки динамика развития национальной экономики попала в жесткую привязку к циклам мировой конъюнктуры на товары, составляющие основные статьи украинского экспорта, – недрагоценные металлы и изделия из них, зерновые культуры [18]. Эта зависимость указывает как на проциклический и стратегически невыразительный характер отечественной экономической политики, так и на неэффективность средств регуляторного влияния государства на деятельность субъектов.

За последние 15 лет товарная структура отечественных экспорта и импорта претерпела заметные изменения, но не к лучшему: выросли аграрно-сырьевая составляющая экспорта и высокотехнологичная промышленная составляющая импорта ***. Смещение в товарной структуре экспорта и импорта является совокупным результатом действия как внутренних институционально-политических и структурно-производственных факторов, так и внешних политико-экономических, а с 2014 г. – и военно-политических. Внутренние институционально-политические факторы обусловили искажение инвестиционной мотивации субъектов хозяйствования, сделали инвестиционную деятельность непривлекательной и слишком рискованной с точки зрения как обострения дилеммы выбора приоритетов вложения капитала (на разви-

* ЮНИДО. Отчет о промышленном развитии – 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. – С. 9.

** По данным ЮНКТАД, в 2010 г. отечественный экспорт составлял 46,5% ВВП, а импорт – 49,3%, в 2014 г. соответствующие показатели были на уровне 49,2% и 53,2%. Для сравнения: в 2014 г. в мировой экономике экспорт достиг 30,5% ВВП, а импорт – 29,5%, в развитых странах – 28,3% и 28,4%, в развивающихся странах – 33,5% и 31,4%. Даже в экономиках США и Китая, которые считаются отечественной экспертной средой как наиболее открытые в мире, доля экспорта была равна 13,8% и 23,7% ВВП, а импорта – 16,8% и 21%. Но даже при такой низкой по сравнению с украинской экономикой открытости внутреннего рынка администрация США во главе с Д. Трампом считают, что это вредит американской экономике и ставит вопрос об усилении защиты внутреннего рынка от иностранных конкурентов.

*** Если в 2001 г. в объемах экспорта доля недрагоценных металлов составляла 41,3%, а аграрной продукции (разделы I–III УКТВЭД) – 8,4%, в 2010 г. – 33,7% и 14,3%, то в 2016 г. доля аграрной продукции достигла уже свыше трети (35,3%), а недрагоценных металлов – сократилась до 23%. В объемах импорта вдвое уменьшилась доля минеральных продуктов (с 42,6% в 2001 г. до 21,6% в 2016 г.), и на треть выросла доля машиностроительной продукции (разделы XVI–XVIII УКТВЭД) (соответственно, с 21,5% до 29,1%).

тие производства или на его защиту от неправомерных посягательств посторонних субъектов), так и значительного ограничения для подавляющего большинства субъектов возможностей доступа к инвестиционным ресурсам и дальнейшего распоряжения полученными доходами. Поэтому воспроизводственные процессы в производстве остановились, его технологическая отсталость и уровень износа продолжили прогрессировать, что на фоне внешней открытости обусловило вытеснение отечественного производителя с внутреннего рынка (прежде всего, непродовольственного) и его дальнейшую практически безальтернативную ориентацию на мировые сырьевые рынки*.

Деформации в системе прав собственности и низкий уровень ее защиты обусловили существенное сужение горизонта планирования деятельности субъектами хозяйствования, поэтому в таких условиях инвестиции в производство как форма отложенного потребления стали нецелесообразными, а субъекты начали выстраивать свою деятельность по стратегии “быстрой наживы”, или “быстрых денег”. Именно поэтому, в противовес развитым странам, где производство смещалось в средне- и высокотехнологичные секторы, в экономике Украины **структурно-производственные детерминанты** характеризуются преобладанием добывающих сырьевых и низкотехнологичных производств аграрных и промышленных видов деятельности, поскольку лишь они смогли обеспечить такие “быстрые деньги” на фоне отсталости отраслей глубокой переработки и отсутствия надлежащей мотивации как у субъектов, так и у самого государства к их модернизации**.

С высокой вероятностью можно предположить, что вследствие открытия отечественного рынка и его завоевания продукцией иностранных корпораций, а также в силу внутренних институционально-политических особенностей формирования государственных решений, под давлением зарубежных (прежде всего, западных) политических и финансовых институций, представляющих интересы этих корпораций, Украина на протяжении последних десятилетий изменила векторы своей внешней экономической и политической интеграции в рамках региональных объединений и союзов. Изменению этих векторов способствовали также противоречивые торговые ограничения и войны на протяжении 2010–2013 гг. и ранее

* В 2015 г. в товарной структуре розничного товарооборота товары отечественного производства доминировали лишь в продовольственной группе (с совокупной долей 85,2%). Сами же продовольственные товары составили 41,1% объема розничного товарооборота. Остальные же 58,9% приходились на непродовольственные товары, а продукция отечественного производства в этой группе достигала лишь 39,3%. По большинству видов высокотехнологичных непродовольственных товаров доля отечественного производства была мала. Например, доля автомобилей отечественного производства составила лишь 4,3% общего объема их продажи, тогда как сами объемы их продажи занимали четвертую позицию на розничном рынке (4,8%). Рынок телекоммуникационного оборудования, мобильных телефонов, аудио- и видеооборудования, компьютеров и программного обеспечения практически полностью был представлен продукцией иностранного производства. Доля иностранной продукции на рынке одежды и обуви превышала 95%, а бытовых электротоваров достигала 90%.

** Если в 1990 г. наибольшей в выпуске промышленной продукции была доля машиностроения (30,5%), пищевая промышленность была на второй позиции (18,6%), далее следовали черная металлургия (11%) и легкая промышленность (10,8%), то к 2010 г. ситуация кардинально изменилась: в перерабатывающей промышленности металлургическое производство, будучи экспортоориентированным, заняло первую позицию (18,8%), вторым было производство пищевых продуктов (18,1%), третьим – машиностроение (9,3%), а легкая промышленность (текстильное производство и производство одежды) практически исчезла как отрасль, имея долю лишь 0,7%. К 2016 г., в незначительной степени вследствие военных действий на Востоке страны, структура производства вновь претерпела заметные изменения: первую позицию в перерабатывающей промышленности заняло производство пищевых продуктов (21,6%), на вторую ступеньку переместилось металлургическое производство (17,1%), а машиностроение сократилось до своего минимума за 25 лет (6,6%).

со стороны Российской Федерации по отдельным важным позициям отечественного экспорта в нее. Они стали, с одной стороны, результатом курса этой страны на импортозамещение, а с другой – реакцией российского руководства на сближение Украины с государствами ЕС. В конечном счете, торговая война России и ее попытки навязать Украине выгодные для себя условия ее развития переросли в 2014 г. в военную агрессию РФ против украинского государства с дальнейшей оккупацией части ее Луганской и Донецкой областей, а также АР Крым. Украина потеряла не только часть территории, но и значительную часть своего промышленного и экспортного потенциала, которая на них приходилась *.

Вследствие перечисленных обстоятельств изменилась не только география отечественных экспорта и импорта, но и их товарная структура **, причем в худшую для нашей страны сторону. Расширение торговли с ЕС и сужение ее со странами СНГ повлекли за собой рост сырьевой направленности отечественного экспорта и повышение технологичности импорта ***, поскольку именно последние были основными потребителями отечественной средне- и высокотехнологичной продукции машиностроения ****. Смещения в структуре экспорта указывают на превращение страны из индустриально-аграрной в аграрную, а смещения в структуре импорта – на усиление внешней технологической зависимости, что в комплексе ведет к углублению процесса деиндустриализации и укреплению в экономике модели так называемого “обедняющего” или “истощающего” развития.

Не стоит очень надеяться, что Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС будет иметь в этом контексте позитивный эффект для национальной экономики, на что слишком оптимистично рассчитывает правительство. Наоборот, такие тенденции не сменятся на противоположные, а могут лишь закрепиться, одновременно усилив конкуренцию на внутреннем рынке со стороны иностранных производителей, с дальнейшим вытеснением с него отечественных, особенно в сегменте непродовольственных промышленных потребительских и инвестиционных товаров [19]. Эти выводы косвенно подтверждаются и отдельными решениями Евросоюза в части как

* По данным Минэкономразвития Украины, доля Крыма, Донецкой и Луганской областей в общем объеме экспорта украинских товаров снизилась вследствие оккупации с 26,6% в 2013 г. до 10,4% в 2015 г. Экспорт из Донецкой области уменьшился за этот период на 70%, из Луганской – на 93%. При этом экспортная недоимка от потери контроля государства над частью территорий достигла в 2015 г. 12,9 млрд. дол. (или около 5,7% ВВП Украины) (Экспортна стратегія України. Дорожня карта стратегічного розвитку торгівлі 2017–2021 / Міністерство економічного розвитку і торгівлі України ; Міжнародний торговельний центр (Женева, Швейцарія). – К., 2017. – 135 с. – С. 5).

** Если в 2000 г. на страны СНГ приходилось 30,6% отечественного экспорта и 57,5% импорта, на страны ЕС-28 – соответственно, 31,4% и 29%, а на страны Азии – 23,9% и 6%, то в 2015 г. доля экспорта в страны ЕС увеличилась до 34,1% и импорта – до 40,9%, в страны Азии – до 32,5% и до 19,3%, тогда как объемы торговли со странами СНГ резко сократились – до 20,5% и до 27,9%.

*** В 2015 г. свыше 3/4 экспортных поставок в ЕС составляла аграрная сырьевая и низкотехнологичная промышленная продукция – черные металлы (20,2%), зерновые культуры (12,5%), руды, шлак и зола (7,4%), древесина (5,5%), семена масличных культур (5%), отходы пищевой промышленности (3,8%) и т. п. В то же время импорт из ЕС на 2/3 был представлен преимущественно высокотехнологичной продукцией машиностроения и химии – минеральное топливо (22,2%), ядерные реакторы (10,2%), электрические машины (7,1%), пластмассы (7,1%), фармацевтическая продукция (6,5%), средства наземного транспорта (5,4%) и т. п.

**** В 2011 г. в структуре отечественного экспорта в Российскую Федерацию в первой десятке товаров были, в частности, железнодорожные локомотивы (16,1%), ядерные реакторы (11%), электрические машины (5,3%), средства наземного транспорта (2,5%). В 2015 г., несмотря на факт военной агрессии со стороны России, она осталась крупнейшим покупателем отечественной машиностроительной продукции (в частности, в структуре экспорта в эту страну первую позицию занимали ядерные реакторы (18,7%), а в первой десятке были электрические машины (5,3%), железнодорожные локомотивы (2,3%)).

собственной внутренней политики, так и условий сотрудничества с Украиной. Например, в своей стратегии “промышленного ренессанса” ЕС рассматривает отношения со странами-соседями (в частности, и с Украиной) лишь с точки зрения их использования в качестве внешнего источника сырьевых и трудовых ресурсов. Подтверждением этому служит требование сообщества об отмене нашим государством моратория на экспорт леса-кругляка в обмен на 600 млн. евро кредитной помощи, которая ни в коей мере не компенсирует ни стоимостных потерь от уменьшения переработки леса внутри страны, ни катастрофических экологических последствий от вырезания лесов. Отдельные страны Евросоюза (например, Польша и Чехия) рассценивают Украину как основной источник пополнения своих трудовых ресурсов, увеличивая соответствующие квоты на трудоустройство украинцев у себя, признавая украинские дипломы о высшем образовании (в частности, медицинском).

Открытие внутреннего рынка и стремительное завоевание импортом доминирующих позиций на нем повлекли за собой быстрое перенесение в наше государство стандартов и практик потребления из развитых стран на фоне неприспособленности и неспособности собственного производства к их удовлетворению, которые сохраняются и до настоящего времени. В совокупности это определило формирование особенностей *финансово-инвестиционных детерминант* отечественной деиндустриализации.

Насыщенность внутреннего товарного рынка, широта товарного ассортимента, открытие перед населением доступа к материальным благам современной западной цивилизации (чего не было во времена административно-плановой экономики) на фоне отсутствия у граждан, с одной стороны, взвешенной и рациональной культуры потребления, а с другой — высокой производительности труда, добросовестного и ответственного отношения к нему, заинтересованности в самосовершенствовании и повышении своего профессионального уровня обусловили ряд противоречивых эффектов, которые серьезно повлияли и на институциональные деформации, и на формирование социальной неудовлетворенности и социальных конфликтов. У населения быстро развилась “жажда” к потребительству, не подкрепленная такой же “жаждой” к эффективному труду. У богатых слоев, представителей высших ступеней власти и бизнеса это превратилось в демонстративное, клептократическое, “элитное” потребление, открытое щеголянье своим материальным достатком. У средних и малообеспеченных слоев это усилило ощущение собственной бедности, неравенства и социальной неудовлетворенности из-за желания владеть иностранными материальными благами и неспособности их приобрести.

Опережающее формирование завышенных потребительских запросов и культура потребления на фоне низкопродуктивного производства повлекло за собой немало проблем в финансовой сфере в целом и в инвестиционной в частности. Не только у населения, но и у власти, как отмечает В. Гец, сформировался “стереотип поведения потребления не по ресурсам и жизни не по средствам” [20, с. 9]. Достоточно распространенным стал миф, что благосостояние населения развитых стран обеспечивается благодаря постоянной “жизни в долг”. На государственном уровне эти стереотипы трансформировались не в политику развития производства, а в политику постоянных заимствований денег на покрытие дефицита бюджета. Сам же бюджет формировался не из реально полученных результатов экономической деятельности, не из запросов на модернизацию производственного базиса страны, а из “раздутых” запросов на потребление — в виде как социальной поддержки населения, так и непосредственно государственного потребления*.

* На 1 января 2016 г. государственный и гарантированный государством долг вырос до 79,4% ВВП против 12% в 2007 г., превысив порог безопасности в 40–60%, а расходы на обслуживание государственного долга увеличились до 16,8% доходов бюджета [21, с. 5–6].

На фоне деградирующей экономики, пытаясь поддерживать уже привычный для себя уровень потребления, украинское государство попало в “долговую удавку” перед зарубежными заемщиками, когда львиная доля новых заимствований направляется на покрытие обязательств по старым, тогда как остальные — опять-таки на поддержку потребления и на социальные обязательства государства, а не на развитие производства. При этом уровень обслуживания долга за счет бюджета растет, а его реальная доходная база сужается вследствие постоянной стагнации экономики. Тем временем международные доноры сопровождают предоставление своих займов требованиями, реализация которых правительством нередко откровенно негативно сказывается на общественных настроениях, поскольку имеет последствиями сужение социальных гарантий населению и его обеднение. В конечном счете, в Украине затягивание “долговой удавки” часто заканчивалось невозможностью государства своевременно обслуживать свои долговые обязательства, что приводило к неоднократной реструктуризации долга на жестких и малопримлемых, однако практически безальтернативных для нашего государства условиях кредиторов.

Условия последней реструктуризации государственного долга, проведенной в 2015 г., по образному выводу экспертов, представляют собой “мину замедленного действия” с точки зрения сохранения стабильности и роста экономики Украины. По сути, в Украине политика “жизни в долг” на фоне пренебрежения правительством проблемами модернизации и повышения производительности производства фактически “простерилизует” экономический рост в последующие 10 лет, причем как из-за отсутствия модернизации, так и из-за указанных условий международных кредиторов, что нивелирует результаты этой модернизации в случае, если она все-таки будет происходить*.

Для населения потребление сверх собственных ресурсов и “жизнь в долг” особенно проявились в распространении потребительского кредитования, объемы которого были сопоставимы с уровнем кредитования перерабатывающей промышленности**.

* Как отмечает Т. Богдан, реструктуризация государственного долга, хотя и разгрузила бюджеты 2015–2018 гг., но существенно усилила бремя внешнего долга в долгосрочной перспективе. Так, по условиям соглашения с кредиторами, правительство будет погашать 80% номинальной суммы долга в течение 2019–2027 гг., уплачивая кредиторам 7,75% годовой доходности. Как следствие, вместо списанных 3,6 млрд. дол. оно обязалось отдавать кредиторам или 15%, или 40% номинального прироста ВВП в течение 20 лет, если темпы роста реального ВВП превысят, соответственно, 3% и 4%. По подсчетам Т. Богдан, в таком случае суммарные выплаты достигнут 8,3 млрд. дол. при условии, что реальный ВВП будет расти на 4% в течение 20 лет, а при ежегодном росте ВВП на 5% эти выплаты превысят 33 млрд. дол. Как считает эксперт, при дисконтировании обозначенных величин становится очевидно, что существующие разрывы между списанной суммой в 3,6 млрд. дол. и будущими обязательствами Украины по инструментам компенсации стоимости не будут нивелированы, а это означает, что, хотя в результате реструктуризации государственного долга и произошло изменение его срочной структуры, все же одновременно существенно выросла его величина [22, с. 25].

** К концу 2010 г. объемы потребительских кредитов составляли 122,9 млрд. грн., тогда как кредитов в перерабатывающую промышленность — 121,5 млрд. грн. (или 98% от объема первых), причем долгосрочные потребительские кредиты населению (на срок свыше 5 лет) были для банков значительно привлекательнее, чем аналогичные кредиты перерабатывающей промышленности: объем первых достигал 67,5 млрд. грн., или в 3,5 раза превышал объем вторых. В 2013 г. ситуация была аналогична — потребительских кредитов было предоставлено на 137,3 млрд. грн., кредитов в перерабатывающую промышленность — на 135,9 млрд. грн., долгосрочных потребительских кредитов — на 38,9 млрд. грн., или в 2,3 раза больше, чем в перерабатывающую промышленность (Бюлетень НБУ. — 2011. — № 2. — С. 124, 130; Бюлетень НБУ. — 2014. — № 2. — С. 146, 150). К концу февраля 2017 г. ситуация изменилась: уровень потребительского кредитования снизился вдвое по сравнению с кредитованием перерабатывающей промышленности (102,4 млрд. грн. против 201,3 млрд. грн.), но долгосрочное потребительское кредитование все-таки превышало аналогичное кредитование промышленности в 1,4 раза (Грошово-кредитна статистика НБУ

Поскольку потребительские кредиты предоставлялись на высокотехнологичные непродовольственные товары длительного пользования, причем преимущественно иностранного происхождения (автомобили, бытовую технику и электронику, средства связи), то можно говорить, что такие кредиты стали для отечественных перерабатывающих отраслей существенным фактором их угнетения, а для иностранной продукции — механизмом ускоренного завоевания внутреннего рынка Украины, что не могло не сказаться на усилении сырьевого уклона отечественной промышленности.

Корпоративный нефинансовый сектор экономики не стал исключением в ведении своей деятельности за счет долгов. По наблюдениям В. Зимовца, за последнее десятилетие долг этого сектора стремительно наращивался: если в 2005 г. он почти не превышал собственный капитал, то к 2016 г. соотношение между ними (долговая зависимость) достигло 4,37, что более чем в три раза превышает уровень, “нормальный” для стран с эмерджентными экономиками. С одной стороны, это обусловлено сокращением в течение 2013–2015 гг. собственного капитала предприятий более чем на 500 млрд. грн. (или на 30%) вследствие их хронической убыточности, прекращения хозяйственной деятельности, а также потери государством контроля над частью территории страны [23, с. 98–101]. При этом причинами убыточности стали и чрезмерное присутствие на внутреннем рынке иностранных компаний, и неспособность отечественных производителей противостоять им из-за собственной технологической отсталости и отсутствия ресурсов на модернизацию. Именно поэтому, с другой стороны, для ведения деятельности в этих условиях стремительно выросли долги предприятий в номинальном измерении почти на 2 трлн. грн. из-за применения, прежде всего, таких суррогатных форм долгового финансирования, как кредиторская задолженность, на фоне стагнации банковского кредитования и его высокой стоимости для заемщиков.

Как подытоживает В. Зимовец, сверхвысокая долговая зависимость, незначительная роль банков в финансировании и накоплении капитала, наряду с распространением теневой деятельности и оффшорных схем выведения денежных средств из страны, являются признаками деформированной “квазирыночной” финансовой модели ведения бизнеса в Украине. Она образовалась вследствие упомянутых деформаций институциональной системы и системы прав собственности как ее ключевой составляющей. В данном контексте это проявляется, во-первых, в слабой защите прав кредиторов и, во-вторых, в недоверии к банковской системе*. В случае банкротства субъектов риски утраты кредиторами капитала в Украине на порядок выше, чем в развитых странах. Именно поэтому нерешенность проблем защиты прав собственности парализует кредитные отношения и служит основной причиной наращивания суррогатных долгов.

Между тем высокий уровень недоверия к банковской системе не позволяет субъектам заместить эту форму долгового финансирования банковским кредитованием. Меры государства по так называемому “очищению” банковского сектора и выведению неплатежеспособных банков с рынка лишь усилили это недоверие, поскольку за офици-

[Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://bank.gov.ua/files/3.3-Loans.xls>). Причины такого изменения следует искать вовсе не в утрате населением стремления к чрезмерному потреблению, а скорее в многократном повышении коммунальных тарифов в течение 2015–2016 гг. и в вынужденном пересмотре домашними хозяйствами направлений своих расходов.

* В частности, по данным Всемирного банка, по состоянию на июнь 2016 г. в Украине после завершения процедур банкротства субъектов кредиторами возмещалось в среднем 7,5% суммы вложенных ими денежных средств, тогда как в Норвегии и Японии соответствующий показатель составляет 92%, в Великобритании — 88,6%, в Германии — 84,4%, в США — 78,6%, в Польше — 60,6% (Doing business: Resolving Insolvency / The World Bank Group [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/resolving-insolvency>).

альными намерениями оздоровить финансовую сферу довольно часто проступали неофициальные частные интересы власти и провластного олигархического бизнеса осуществить таким образом очередной передел собственности и капитала в стране. В течение 2015–2016 гг. НБУ прекратил деятельность 87 банков. Во многих случаях при молчаливом согласии чиновников, а иногда и при их прямом содействии собственники вывели из ликвидированных банков около 300 млрд. грн., из которых около 270 млрд. грн. — это средства предприятий на текущих счетах [24]. Можно предположить, что для собственников банков указанные денежные средства стали своеобразной суррогатной, но, к сожалению, полукриминальной, формой одновременно и пополнения собственного капитала своих компаний, зарегистрированных преимущественно в оффшорных юрисдикциях, и инвестиций в них.

Утверждение в обществе приоритета текущего потребления над отложенным инвестиционным на фоне высоких рисков постоянного передела и неправомерного отчуждения собственности, открытости внутреннего рынка и отсталости производства непосредственно сказалось на воспроизводственных процессах в производстве. Неудовлетворительный уровень защиты прав инвесторов сделал инвестиции в производство не привлекательными для бизнеса, а валовое накопление основного капитала — сверхнизким *. Кризис воспроизводства приобрел черты перманентности и устойчивого углубления, что подтверждается постоянно нарастающим уровнем износа основных средств в экономике и промышленности ** и, в конечном счете, может обернуться полным коллапсом экономики уже в ближайшей перспективе.

Формирование отраслевой структуры инвестиций, как и структуры экспорта, отвечает модели углубления сырьевой экспортной специализации национальной экономики — перехода от преимущественно индустриально-аграрной специализации к преимущественно аграрной ***. Между тем проблема переориентации инвестиций в пользу высокотехнологичных отраслей глубокой переработки связана не только с нахождением дополнительных объемов ресурсов и снижением рисков инвесторов, но и, во-первых, с изменением источников инвестиций, а во-вторых, с существенным расширением внутреннего потребительского рынка этой продук-

* На протяжении последних 15 лет ВНОК лишь в 2006–2008 гг. приближалось к принятой в мировой практике минимально допустимой норме в 25% ВВП для обеспечения расширенного воспроизводства и интенсивной модернизации производства. В другие годы оно находилось в пределах 16–19%, а в 2014–2015 гг., в связи с началом военных действий на Востоке Украины и соответствующим существенным ростом инвестиционных рисков, накопление капитала сократилось до 14,2% и 13,5% ВВП — минимального уровня за последнюю четверть века. Однако и этот показатель недостаточно иллюстрирует всю трагичность кризиса воспроизводства. Более наглядно она проявляется, если сопоставить объемы годовых капитальных инвестиций с объемами основных средств. В промышленности это соотношение на протяжении 2001–2015 гг. колебалось в пределах 4,5–7%, а в 2015 г. составило 2,3%. Иначе говоря, чтобы полностью обновить парк основных средств, нужно около 50 лет. Если же учитывать, что в Украине эти средства значительно недооценены, а инвестиции используются не только на создание новых, но и на приобретение действующих основных средств, которые также имеют определенный уровень износа, то этот период еще больше.

** На протяжении последних 15 лет износ основных средств вырос чуть ли не в два раза — с 45% в 2001 г. до 83,5% в 2014 г. в экономике и с 52% в 2001 г. до 77% в 2015 г. в промышленности. Еще более высокий уровень этого показателя наблюдается в секторах энергетической и коммунальной инфраструктуры (в частности, в производстве и распределении электроэнергии и газа — 82,6%, в водоснабжении — 62%).

*** На протяжении 2001–2016 гг. доля сельского хозяйства в общих объемах инвестиций в экономику выросла почти в три раза (с 5% до 13,8%), а промышленности — соответственно, уменьшилась с 42% до 33%. В самой промышленности наибольшей в этот период оставалась доля производства пищевых продуктов (около 16% общего объема инвестиций в отрасль), увеличилась доля металлургии (с 10% до 13%), при неизменно малой доле отраслей машиностроения (около 6%).

ции прежде всего за счет отказа не просто от аналогичной иностранной продукции, доминирующей на нем, а от сформированного потребительского стереотипа безусловного предпочтения именно иностранной, а не отечественной продукции.

В структуре источников инвестиций преобладают собственные средства предприятий *. Поэтому при существующих ограничениях рынка отраслевая структура производства будет оставаться неизменной, поскольку предприятия вкладывают деньги в поддержку и развитие, как правило, своего основного вида деятельности, особенно в силу значительного дефицита инвестиционных ресурсов, высоких рисков инвестирования в не знакомые для себя сферы деятельности, а также существующего неформального жесткого разделения рынка между конкурирующими олигархическими бизнес-группами.

Это обстоятельство усугубляется особенностью банковского инвестиционного кредитования — инсайдерским кредитованием — предоставлением займов исключительно компаниям и предприятиям, принадлежащим собственникам самих банков [25]. Это касается не только частных банков, но и государственных. Последние предоставляют займы исключительно тем компаниям (как государственным, так и частным), которые прямо или косвенно контролируются (в собственных интересах) высшей государственной бюрократией и представителями провластной олигархии. Для коммерческих банков кредитование инсайдеров стало одним из основных направлений их деятельности, а для трети проблемных банков, о которых уже шла речь, по выводам НБУ, такое кредитование было единственной целью их деятельности. Они “вытягивали” депозиты у населения и направляли их на поддержку бизнеса своих собственников. В целом доля инсайдерских кредитов приближается к 80% общего объема кредитов как государственных банков, так и коммерческих, а в отдельных банках 100% кредитного портфеля были распределены между компаниями, связанными с их собственниками. Подобные банки в большинстве случаев были и остаются структурными единицами отечественных олигархических бизнес-групп, а такой способ получения ими финансовых ресурсов можно рассматривать как форму институционального приспособления к деятельности в условиях сверхвысоких политических и экономических рисков и слабой защиты прав собственности в стране.

Для обычных субъектов хозяйствования возможности получения банковских займов де-юре существуют, но де-факто отсутствуют. Именно поэтому “очищение” банковского сектора в существующих институциональных условиях не будет иметь тех результатов, которые официально декларировались властью и связывались с повышением устойчивости банковской системы и восстановлением кредитования экономики, а наоборот — сузит обеспеченность субъектов кредитными ресурсами, что наглядно уже проявляется в виде как уменьшения доли кредитов в структуре источников инвестиций на протяжении 2014—2016 гг., так и их недоступности для абсолютного большинства субъектов хозяйствования при избытке свободных кредитных ресурсов на рынке.

Особенностями прямого иностранного инвестирования в Украину, сформировавшимися вследствие институциональных деформаций и высоких рисков ведения хозяйственной деятельности, являются:

— *во-первых*, преобладание инвестиций от иностранных контрагентов отечественных компаний, связанных с ними прямо или опосредованно через структуру собственности и зарегистрированных в странах с оффшорными юрисдикциями **;

* За 2010—2015 гг. доля собственных средств предприятий увеличилась с 62% до 70%, государственного и местного бюджетов — находилась в пределах 9%, кредитов банков — уменьшилась почти в два раза (с 13% до 7%), а иностранных инвесторов — не превышала 3%.

** Оффшорный Кипр стал крупнейшим инвестором в Украину: его средства составили четверть (25,7%) всего объема ПИИ за 1994—2017 гг. Он используется отечественным бизнесом,

– во-вторых, преобладание инвестиций в торговлю и финансовую деятельность над инвестициями в промышленность в их видовой структуре, а также по сравнению с суммарной долей этих секторов в видовой структуре всех капитальных инвестиций в Украину *, что указывает на повышенную мотивацию иностранных инвесторов к развитию именно торговой и финансовой сфер, а не производства для закрепления доминирующего положения иностранной продукции на внутреннем рынке;

– в-третьих, использование некоторыми странами-соседями (в частности, Российской Федерацией) своих инвестиций в Украину в качестве инструмента дестабилизации ее экономической и политической ситуации, приобретения (прямого или опосредованного) ключевых стратегических активов страны (в частности, в энергетике и промышленности), подкупа некоторых представителей государственной бюрократии и политической элиты для получения, при одновременном применении военного давления, сначала экономического, а впоследствии и политического контроля над страной **.

Поэтому подобные тенденции в иностранном инвестировании в Украину не следует однозначно оценивать как фактор прогресса и развития ее экономики и производства. Наоборот, при существующей институциональной специфике они в большой степени могут расцениваться как фактор сдерживания развития и даже деградации. С одной стороны, тот факт, что иностранные инвесторы отдают предпочтение вложению средств в торговлю и финансовую деятельность по сравнению с промышленностью, закрепляет доминирование культа потребительства (причем продукции иностранного происхождения) и культа “жизни в долг” через опережающее расши-

с одной стороны, в схемах сокрытия и выведения прибылей из Украины, а с другой – для их реинвестирования в Украину.

* Крупнейший накопленный с 1994 г. объем ПИИ в Украине был зафиксирован в начале 2014 г. (53,7 млрд. дол.). Факт военной агрессии по отношению к Украине со стороны Российской Федерации, а также трехкратная девальвация национальной валюты в указанном году обусловили существенный рост военно-политических и валютно-курсовых рисков ведения бизнеса, выведения иностранными собственниками инвестированных средств и сокращения в течение последующих трех лет объемов ПИИ на 30% (до 37,6 млрд. дол. на начало 2017 г.). В промышленности объемы ПИИ сократились больше всего по сравнению с другими видами деятельности – почти в два раза (с 17,6 млрд. дол. до 9,5 млрд. дол.), тогда как в торговле – на 20% (с 6,8 млрд. до 5,5 млрд. дол.), а в финансовой деятельности – на 15% (с 12,3 млрд. до 10,3 млрд. дол.). Как следствие, доля промышленности в структуре ПИИ уменьшилась с 42,2% на начало 2010 г. до 25,4% на начало 2017 г., а доли торговли и финансовой деятельности – наоборот, выросли (соответственно, с 11,1% до 14,6% и с 23% до 27,4%), что сделало последнюю крупнейшим акцептором иностранных инвестиций в национальной экономике. В общей видовой структуре капитальных инвестиций вклад торговли и финансовой деятельности был значительно скромнее, чем в видовой структуре иностранных инвестиций, а на протяжении указанного периода он даже уменьшился, достигнув в 2016 г., соответственно, лишь 7,7% и 2,3%.

** По годовому объему ПИИ в Украину в 2016 г. первую позицию заняла Российская Федерация, что не может не настораживать с учетом факта военной агрессии РФ по отношению к нашей стране, а также возможности существенного неформального влияния российского политического руководства на деятельность своих субъектов как внутри страны, так и за рубежом. Сумма российских инвестиций в указанном году составила почти 1,7 млрд. дол. (или 37,8% общего объема годовых ПИИ). Вторую позицию занял Кипр с намного более скромной долей на уровне 9,7%. Примечательно, что 90% объема российских инвестиций в Украину пришлось на финансовую деятельность, а именно – на банковский сектор. Как результат, за последние два с половиной года доля российского капитала в активах банковской системы Украины выросла более чем в три раза – с 12% в июне 2014 г. до 40% в декабре 2016 г. (Доповід Ілларіонова: Керівництво Нацбанку обвалило гривню, збільшило частку російських банків, збільшило держборг і дозволило Януковичу приховати активи // “Гордон”. – 2017. – 10 травня [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://gordonua.com/ukr/publications/dopovid-illarionova-kerivnitstvonatsbanku-obrushilo-grivnju-zbilshilo-chastku-rosijskih-bankiv-zbilshiv-derzhborg-idozvolilo-janukovichu-prihovati-aktivi-176269.html>).

рение финансового сектора по сравнению с производственным и приоритетное поддержание потребительского кредитования населения на фоне отсутствия инвестиционного кредитования производства. С другой стороны, значительная часть иностранных инвестиций используется отдельными странами-инвесторами не столько для получения экономических выгод, сколько для достижения политических целей, противоречащих целям развития украинского общества в целом.

Как следствие деструктивных трансформаций в системе прав собственности и обусловленного ими преобладания текущего потребления над инвестиционным, на фоне распространения западных потребительских практик и сохранения низкой культуры производства и низкого качества управления им, произошло не только инвестиционное "истощение" экономики, но и (что важнее) обретение ею неспособности к воспроизводству на инновационной основе. Это ключевая характеристика *инновационно-технологических детерминант* деиндустриализации страны.

Унаследованный от бывшего СССР высокий уровень образованности населения оказался невостребованным в процессах передела собственности и не стал препятствием для формирования олигархического капитала, что впоследствии дало толчок к разрушению и деградации образовательного потенциала страны, поскольку мотивационная основа его формирования была серьезно подорвана несправедливым распределением собственности и большим расслоением общества по уровню доходов. Образование и высокая образованность перестали быть для обычного человека главным фактором больших доходов, гарантией получения высокооплачиваемой работы по специальности, социального и морального удовлетворения своей жизнью. Соответственно, способность экономической системы к генерированию и имплементации инноваций значительно ослабела.

Еще одним, не менее важным фактором такого ослабления оказалась непригодность системы организации отечественной науки к новым условиям хозяйствования — как к потребностям новых собственников предприятий, так и к запросам рынка на инновационные товары и услуги. Помня, что инновации рассматриваются предпринимателем, прежде всего, как источник получения прибыли при условии, что остальные её источники или отсутствуют, или себя исчерпали, следует отметить, что незащищенность и размытость прав собственности в Украине повлекли за собой появление феномена перманентного генерирования источников прибыли, связанных не с внедрением инноваций, а с переделом собственности и национального богатства страны*.

Кроме того, произвольное манипулирование власти правами обычных граждан обусловило дискриминационное перераспределение доходов страны от большинства населения в пользу "олигархического" и властного меньшинства, что стало еще одним "неинновационным" и практически неисчерпаемым источником его прибыли. Поэтому де-факто инновационная детерминанта развития украинского общества оказалась нивелированной, прежде всего, институционально-политической детерминантой, и коммерциализации социума на инновационных началах, как отмечает В. Геец, не произошло [20, с. 8]. Вместо такой коммерциализации государство предложило населению малоэффективную и чрезмерную по сравнению со своими финансовыми возможностями систему социальной защиты для сглаживания соответствующих не-

* Подтверждением этому является тот факт, что расходы предприятий Украины на инновации составляли, в частности, в 2015 г. лишь 0,56% их общих расходов на производство продукции (13,8 млрд. грн. против 2,45 трлн. грн.), а в общем количестве предприятий только 17,3% занимались инновационной деятельностью (Діяльність суб'єктів господарювання у 2015 році : стат. зб. — К. : Держстат України, 2016. — 455 с. — С. 80; Наукова та інноваційна діяльність України. 2015 рік : стат. зб. — К. : Держстат України, 2016. — 257 с. — С. 139).

гативных последствий трансформации отношений собственности и несправедливого перераспределения богатства страны. В итоге произошла патернализация большей части общества вместо формирования у него поведенческих настроений относительно профессионального самовыражения, творческой самореализации и коммерциализации своих навыков и умений для решения собственных материальных и социальных проблем. Это лишь укрепило существующую неэффективную институциональную конструкцию организации государственной власти и системы отношений собственности. По выводу В. Гейца, именно подмена коммерциализации социума его социальной защитой стала главной ошибкой реформ, со всеми их негативными последствиями для населения страны.

Соответственно, наука в Украине перестала рассматриваться государством и бизнесом как главное условие развития экономики и благосостояния общества. Прикладная отраслевая и производственная составляющие научно-технической деятельности в виде отраслевых НИИ и заводских исследовательских лабораторий практически исчезли в Украине. Академическая наука превратилась в представлении государства в “содержанку” *, расходы на которую расцениваются, по выражению В. Гейца, как форма “собеса” для тех, кто в ней работает [20, с. 9].

Нивелирование государством прав обычных граждан и несправедливый по отношению к ним передел собственности в стране, с ограничением возможностей для самореализации “инновационных” творческих способностей человека и появлением неэффективной патерналистской системы его социального обеспечения, сформировали в украинском социуме такой деструктивный феномен, как общество всецелого недоверия, страха и протестов. Именно его можно считать главной **социальной детерминантой**, которая определяет, наряду с другими детерминантами, характер развития национальной экономики и отечественного производства. Основная модель поведения членов такого общества – это не конструктивный социальный диалог и взаимовыгодное партнерство, а “война всех против всех”, обусловленная недоверием всех ко всем и страхом всех перед всем.

Абсолютное большинство граждан Украины (около 95%) преимущественно и полностью доверяют лишь своим семьям и родственникам, к остальным институтам и прослойкам общества доверие низкое и сверхнизкое. К центральным органам государственной власти, судам, органам правопорядка, политическим партиям его уровень не превышает 5–8% **. Доверие к “своим” и тотальное недоверие к “чужим” породили в стране такое негативное социальное явление, как “кумовство” на всех ступенях общественных, властных и производственных отношений. С позиций экономического и социального прогресса на инновационных началах, это явление особенно опасно при формировании государственной власти, организации крупного бизнеса и управлении им. На первый план выходят родственные связи в построении властной иерархии в государстве и управленческой иерархии в компании, при одновременном сращивании этих иерархий и слиянии власти и бизнеса, тогда как уровень профессиональной компетенции и образования их членов остается на заднем плане или же вообще игнорируется. Это непосредственно

* Именно поэтому наукоемкость ВВП (расходы на выполнение научных и научно-технических работ к ВВП) в Украине является одной из самых низких в мире и постоянно сокращается. В 2015 г. она составила в Украине 0,62% (против 0,99% в 2005 г.), тогда как в ЕС-28 – 2,03% (2014 г.), а в отдельных развитых странах была значительно выше – в частности, в Южной Корее (4,15%), в Японии (3,47%), в Финляндии (3,17%), в Германии (2,87%), в США (2,81%) (Наукова та інноваційна діяльність України. 2015 рік : стат. зб. – С. 130, 132).

** Здесь и далее приведены данные мониторинговых опросов Института социологии НАН Украины “Украинское общество 2014” и “Украинское общество 2015”, доступные на его сайте ([Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.i-soc.com.ua).

определяет низкое качество управления как государством, так и компаниями, что наглядно подтверждается в Украине.

При такой “кумовской” организации власти и управления в обществе не создаются социальные лифты, утрачивается мотивация к инициативности, к раскрытию человеком своих творческих и профессиональных способностей, становится невозможной коммерциализация социума на инновационных началах, а в конечном счете, общество теряет способность к качественному обновлению и воспроизводству. Недоверие населения имеет свои негативные финансово-инвестиционные последствия и для отечественного производства. Финансовым учреждениям (банкам и страховым компаниям) преимущественно и полностью доверяют лишь около 12% граждан. Население отдает предпочтение хранению своих сбережений не в банках, а в наличной форме вне их. По оценкам, этот ресурс составляет около 150 млрд. дол. и не может быть привлечен на инвестиционные цели именно из-за недоверия к банковской системе, из-за неоднократных нарушений банками прав вкладчиков и “исчезновения” вложенных в них средств граждан, которые государство в полном объеме не способно и не пытается вернуть.

Все это, наряду с отсутствием реальных возможностей защитить свои права законным образом, порождает у большинства граждан социальную апатию, неверие в себя и свои силы, обостряет протестные настроения и общественный радикализм. В частности, 5,5% граждан готовы к радикальным действиям — захвату зданий государственных учреждений (3,1%), созданию не зависящих от Президента и правительства вооруженных формирований (2,4%). Этого вполне достаточно для обеспечения устойчивой цикличности острых социальных конфликтов, с соответствующей перманентностью экономических депрессий и кризисов, что также не раз подтверждалось в Украине. Связь между трансформациями в отношениях собственности и деструктивными социальными явлениями и процессами непосредственная и прямая. Более половины граждан (почти 55% в 2014 г.) связывают свое неудовлетворительное материальное и социальное положение с несправедливой приватизацией и передачей большой государственной собственности в частные руки. К сожалению, это не просто субъективное и эмоциональное отношение населения к таким процессам, а объективно сформированная ими социально-экономическая действительность.

Выводы

Таким образом, смена экономической и социальной модели развития украинского общества, модернизация производства в его интересах должны начаться в первую очередь с исправления деформаций в системе прав собственности в направлениях обеспечения как гарантирования прав обычных граждан и субъектов хозяйствования, так и пересмотра последствий несправедливого перераспределения национального богатства страны. Следует учесть, что именно институционально-политическая детерминанта стала отправной точкой для дальнейшего формирования трендов развития украинского общества и негативных проявлений остальных детерминант.

Начать необходимо с деолигархизации страны, выстраивания двухсторонней паритетной связи между обществом и государством, перестройки структуры государственного управления страной, исходя из интересов не криминальных олигархических бизнес-групп, а общества и развития внутреннего производства для удовлетворения его социальных, потребительских и инвестиционных нужд. Большая собственность должна быть деприватизирована и возвращена государству, причем не избирательно, а полностью, иначе подобная мера превратится в ее очередной передел между провластными и оппозиционными олигархическими кланами. Эта собственность должна стать достоянием не олигархии, а всего населения страны через “демократизацию”, присущую наиболее развитым странам мира, то есть че-

рез передачу в распоряжение и управление государственным суверенным фондам, акциями которых в равной степени должны владеть все граждане страны.

Наряду с этим, важно принять во внимание и некоторые другие обстоятельства. Прежде всего, речь идет об учете трендов научно-технологического развития мировой промышленности в выстраивании соответствующей политики развития производства в Украине. Распространение технологий Четвертой промышленной революции на фоне политики преодоления деиндустриализации и повышение занятости в развитых странах будут сопровождаться максимальной локализацией производств, замыканием технологических циклов и цепочек создания добавленной стоимости в пределах их национальных юрисдикций или экономико-политических союзов (в частности, ЕС). Поэтому Украине в перспективе следует ожидать от развитых стран усиления протекционизма и увеличения барьеров для входа на их рынки украинских товаров (прежде всего, средне- и высокотехнологичных), при одновременном навязывании ей аграрной, ресурсно-сырьевой и низкотехнологичной специализации и при дальнейшей экспансии их продукции на отечественный рынок. Украине не стоит надеяться на массовое размещение на своей территории высокотехнологичных производств из указанных государств. Наоборот, на ее территорию будут перемещаться низкотехнологичные производства, которые по своим техническим и экологическим параметрам не будут отвечать регламентам и приоритетам политики развития развитых стран.

В силу существующей высокой безработицы в Украине и возможного дальнейшего значительного усиления структурной безработицы (причем в сфере как производства, так и услуг), вследствие все той же Четвертой промышленной революции, Украине нужно более умеренно подходить к технологической составляющей модернизации своего производства, акцентируя внимание не только на безусловном повышении производительности труда, но и на сохранении и возможном увеличении высокопроизводительных рабочих мест в промышленности и в секторе услуг (прежде всего, наукоемких).

Необходимо помнить, что внешнеэкономическая детерминанта в виде чрезмерной ориентации производства на внешние, преимущественно сырьевые, рынки и доминирующего присутствия на внутреннем рынке иностранной продукции в небольшой степени причастна к деградации структуры производства и невыгодной интеграции экономики Украины в мировую, к переходу на модель “обедняющего” развития и обострения долговых проблем государства. Поэтому модернизация должна сопровождаться мерами по существенной диверсификации отечественного производства, его отходу от сырьевой и низкотехнологичной моноспециализации, отказу от чрезмерной экспортной направленности, по переориентации при умеренном протекционизме на потребности внутреннего рынка и на снижение импортозависимости внутреннего потребительского и инвестиционного товарных рынков. Такой шаг позволит приблизить возможности отечественного производства как в выпуске продукции, так и в повышении доходов населения к привнесенным извне стандартам потребления и потребительского поведения, отказавшись от практики “жизни в долг” как государства, так и субъектов производства и обычных граждан. Наряду с этим, переориентация производства на внутренний рынок в целом ослабит зависимость украинской экономики от колебаний мировой конъюнктуры и от влияния внешних политических и экономических агентов, чьи интересы по отношению к нашей стране далеки от интересов и потребностей украинского общества.

Список использованной литературы

1. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь ; [6-е изд., перераб. и доп.]. — М. : ИНФРА-М, 2011. — 512 с.

2. *Barro R.J.* Determinants of economic growth: a cross-country empirical study // NBER Working Paper No. 5698. — Cambridge : National Bureau of Economic Research, 1996. — 118 p.
3. *Бобух І., Барановська І.* Макроекономіка. Підручник. Тема 28. Економічний розвиток і зростання // Економічна теорія. — 2015. — № 2. — С. 99–117.
4. *Scott R.E.* Growth in U.S. — China trade deficit between 2001 and 2015 cost 3.4 million jobs. Here’s how to rebalance trade and rebuild American manufacturing // Economic Policy Institute. — Washington, D.C., 2017. — January 31. — 94 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.epi.org/114752>.
5. *McMillan M., Rodrik D.* Globalization, Structural Change and Productivity Growth // NBER Working Paper No. 17143. — 2011. — 54 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nber.org/papers/w17143.pdf>.
6. *Lichtblau K., Matthes J., Fritsch M.* and other. Industry as a growth engine in the global economy / Institut der deutschen Wirtschaft Köln. — Cologne : IW Consult GmbH, IW Köln, 2013. — 162 p.
7. *Вишневский В.П., Амоша А.И., Збаразская Л.А.* и др. Промышленная политика и управление развитием промышленности в условиях системных дисбалансов: концептуальные основы ; [под общ. ред. В.П. Вишневского и Л.А. Збаразской]. — Донецк : Ин-т економіки пром-сти НАН України, 2013. — 180 с.
8. *Rotman D.* How Technology Is Destroying Jobs // MIT Technology Review. — 2013. — June 12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.technologyreview.com/s/515926/how-technology-is-destroying-jobs/>.
9. *Hitchcock A., Laycock K., Sundorph E.* Work in progress. Towards a leaner, smarter public-sector workforce. — London : Reform, 2017. — 90 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.reform.uk/wp-content/uploads/2017/02/Work-in-progress-Reform-report.pdf>.
10. *Metz C.* The AI Threat Isn’t Skynet. It’s the End of the Middle Class // Wired. — 2017. — February 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.wired.com/2017/02/ai-threat-isnt-skynet-end-middle-class>.
11. *Sappington D., Stiglitz J.* Privatization, information and incentives // Journal of Policy Analysis and Management. — 1987. — Vol. 6. — Iss. 4. — P. 567–585.
12. *Барановський О., Сіденко В.* Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 2–13.
13. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М. : АСТ, 2015. — 575 с.
14. *Киндзерский Ю.В.* Институциональная ловушка олигархизма и проблемы ее преодоления // Экономика Украины. — 2016. — № 12. — С. 22–46.
15. *Киндзерский Ю.В.* Деструктивы промышленной политики в Украине и возможности их преодоления // Экономика Украины. — 2012. — № 12. — С. 4–16.
16. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. — М. : Pretext, 2005. — 319 с.
17. *Вернер К., Вайс Г.* Черная книга корпораций. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2007. — 416 с.
18. *Кораблін С.* Модель відстаючого зростання: економічні фактори та наслідки для України // Економіка і прогнозування. — 2016. — № 2. — С. 74–85.
19. Оцінка впливу Угоди про асоціацію/ЗВТ між Україною та ЄС на економіку України : наук. доп. ; [за ред. В.М. Гейця, Т.О. Осташко, Л.В. Шинкарук] ; НАН України, ДУ “Ін-т екон. та прогноз. НАН України”. — К., 2014. — 102 с.
20. *Гец В.М.* Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины // Экономика Украины. — 2014. — № 12. — С. 4–19.

21. Геец В.М. Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины // Экономика Украины. – 2016. – № 12. – С. 3–21.

22. Богдан Т.П. Внешняя долговая нагрузка и вызовы для валютно-финансовой политики Украины // Экономика Украины. – 2016. – № 7. – С. 21–32.

23. Зимовець В. Деформована фінансова модель ведення бізнесу в Україні: інституційний аспект / Корпоративні фінанси: проблеми та перспективи інноваційного розвитку : Зб. матеріалів I Всеукр. наук.-практ. конф. – К. : КНЕУ, 2016. – 370 с.

24. Ормоцадзе М. Украинская рулетка: граждане и бизнес потеряли в банках-банкротах свыше 300 млрд гривен // Форбс-Україна. – 2016. – 27 травня [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://forbes.net.ua/business/1416943-ukrainskaya-ruletka-grazhdane-i-biznes-poteryali-v-bankah-bankrotah-svyshe-300-mlrd-griven>.

25. Сколотяний Ю., Івченко Р. Повторне розграбування, або У що державі та платникам податків обходяться банкрутства банків // Дзеркало тижня. – 2017. – № 27.

References

1. Raizberg B., Lozovskii L., Starodubtseva E. *Sovremennyyi Ekonomicheskii Slovar'*; [6-e izd., pererab. i dop.] [Modern Economic Dictionary, 6th ed., revised and augmented]. Moscow, INFRA-M, 2011 [in Russian].

2. Barro R.J. Determinants of economic growth: a cross-country empirical study. *NBER Working Paper* No. 5698, Cambridge, National bureau of economic research, 1996.

3. Bobukh I., Baranovs'ka I. *Makroekonomika. Pidruchnyk. Tema 28. Ekonomichniy rozvytok i zrostannya* [Macroeconomics. Textbook. Topic 28. Economic development and growth]. *Ekonomichna teoriya – Economic theory*, 2015, No. 2, pp. 99–117 [in Ukrainian].

4. Scott R.E. Growth in U.S. – China trade deficit between 2001 and 2015 cost 3.4 million jobs. Here's how to rebalance trade and rebuild American manufacturing. Economic Policy Institute, Washington, D.C., 2017, January 31, available at: <http://www.epi.org/114752>.

5. McMillan M., Rodrik D. Globalization, Structural Change and Productivity Growth. *NBER Working Paper* No. 17143, 2011, available at: <http://www.nber.org/papers/w17143.pdf>.

6. Lichtblau K., Matthes J., Fritsch M. et al. Industry as a Growth Engine in the Global Economy. Institut der deutschen Wirtschaft Köln, Cologne, IW Consult GmbH, IW Köln, 2013.

7. Vishnevskii V.P., Amosha A.I., Zbarazskaya L.A. et al. *Promyshlennaya Politika i Upravlenie Razvitiem Promyshlennosti v Usloviyakh Sistemnykh Disbalansov: Kontseptual'nye Osnovy* [Industrial Policy and Management of Industrial Development in the Context of Systemic Imbalances: the Conceptual Framework]. V.P. Vishnevskii, L.A. Zbarazskaya (Eds.). Donetsk, Institute of Industrial Economics of the NAS of Ukraine, 2013 [in Russian].

8. Rotman D. How technology is destroying jobs. *MIT Technology Review*, 2013, June 12, available at: <https://www.technologyreview.com/s/515926/how-technology-is-destroying-jobs/>.

9. Hitchcock A., Laycock K., Sundorph E. Work in Progress. Towards a Leaner, Smarter Public-sector Workforce. London, Reform, 2017, available at: <http://www.reform.uk/wp-content/uploads/2017/02/Work-in-progress-Reform-report.pdf>.

10. Metz C. The AI threat isn't skynet. It's the end of the middle class. *Wired*, 2017, February 10, available at: <https://www.wired.com/2017/02/ai-threat-isnt-skynet-end-middle-class>.

11. Sappington D., Stiglitz J. Privatization, information and incentives. *Journal of Policy Analysis and Management*, 1987, Vol. 6, Iss. 4, pp. 567–585.

12. Baranovskyy O., Sidenko V. *Problemy vlasnosti ta lehalizatsii kapitaliv i dokhodiv v Ukraini* [The problems of ownership and legalization of capitals and incomes in Ukraine]. *Natsional'na bezpeka i oborona – National security & defense*, 2004, No. 2, pp. 2–13 [in Ukrainian].

13. Acemoglu D., Robinson J. *Pochemu Odni Strany Bogatye, a Drugie Bednye. Proiskhozhdenie Vlasti, Prosvetaniya i Nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow, AST, 2015 [in Russian].
14. Kindzerskii Yu.V. *Institutsional'naya lovushka oligarkhizma i problemy ee preodoleniya* [Institutional trap of oligarchism and problems of its overcoming]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 12, pp. 22–46 [in Russian].
15. Kindzerskii Yu.V. *Destruktivnyy promyshlennoy politiki v Ukraine i vozmozhnosti ikh preodoleniya* [Destructive points of the industrial policy in Ukraine and possibilities of overcome them]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2012, No. 12, pp. 4–16 [in Russian].
16. Perkins J. *Ispoved' Ekonomicheskogo Ubiitsy* [Confessions of an Economic Hit Man]. Moscow, Pretext, 2005 [in Russian].
17. Werner K., Weiss H. *Chernaya Kniga Korporatsii* [The Black Book of Corporations]. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 2007 [in Russian].
18. Korablin S. *Model' vidstayuchoho zrostannya: ekonomichni faktory ta naslidky dlya Ukrainy* [The “lagging growth” model: economic factors and consequences for Ukraine]. *Ekonomika i prognozuvannya – Economy and forecasting*, 2016, No. 2, pp. 74–85 [in Ukrainian].
19. *Otsinka Vplyvu Uhody pro Asotsiatsiyu/ZVT mizh Ukrainoyu ta ES na Ekonomiku Ukrainy: nauk. dop.* [Assessment of the Impact of the Association/FTA Agreement between Ukraine and the EU on Ukrainian economy: scientific report]. V.M. Heyets, T.O. Ostashko, L.V. Shinkaruk (Eds.). Kyiv, NAS of Ukraine, Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine, 2014 [in Ukrainian].
20. Heyets V.M. *Institutsional'naya obuslovlennost' innovatsionnykh protsessov v promyshlennom razvitii Ukrainy* [Institutional conditionality of innovative processes in Ukraine's industrial development]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2014, No. 12, pp. 4–19 [in Russian].
21. Heyets V.M. *Osobennosti vzaimosvyazi ekonomicheskikh i politicheskikh predposylok rekonstruktivnogo razvitiya ekonomiki Ukrainy* [Peculiarities of the interrelation of economic and political preconditions of a reconstructive development of Ukraine's economy]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 12, pp. 3–21 [in Russian].
22. Bogdan T.P. *Vneshnyaya dolgovaya nagruzka i vyzovy dlya valyutno-finansovoi politiki Ukrainy* [External debt burden and challenges for the currency-financial policy of Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 7, pp. 21–32 [in Russian].
23. Zymovets' V. *Deformovana finansova model' vedennya biznesu v Ukraini: instytutsiyniy aspekt* [Deformed financial model of doing business in Ukraine: institutional aspect]. Proceedings from: *Korporatyvni finansy: problemy ta perspektyvy innovatsiynoho rozvytku. I Vseukr. nauk.-prakt. konf.* [Corporate finance: problems and prospects for innovation development. I All-Ukrainian scientific and practical conference]. Kyiv, KNEU, 2016 [in Ukrainian].
24. Ormotsagze M. *Ukrainskaya ruletka: grazhdane i biznes poteryali v bankakh-bankrotakh svyshe 300 mlrd griven* [Ukrainian roulette: citizens and business lost more than 300 billion hryvnia in bankrupt banks]. *Forbs-Ukraina – Forbes-Ukraine*, May 27, 2016, available at: <http://forbes.net.ua/business/1416943-ukrainskaya-ruletka-grazhdane-i-biznes-poteryali-v-bankah-bankrotah-svyshe-300-mlrd-griven> [in Russian].
25. Skolotyanyi Yu., Ivchenko R. *Povtorne rozgrabuvannya, abo U shcho derzhavi ta platnykam podatkov obkhodyat'sya bankrutstva bankiv* [Repeated looting, or What banks' bankruptcies cost to the state and taxpayers]. *Dzerkalo tyzhnya – Week's Mirror*, 2017, No. 27 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 17 июля 2017 г.